

Здоровому духу здоровое тело

Швейцарские эвритмисты станцевали на фестивале Софии Губайдулиной

Самые экзотические номера фестивальной программы были поставлены в самый конец. Сегодня торжества по случаю 70-летия Софии Губайдулиной заканчиваются российской премьерой ее концерта для японских традиционных инструментов и европейского симфонического оркестра. Для этого из Японии выписана исполнительница на кото и шене. А двумя днями раньше на фестивале выступили швейцарские эвритмисты — странноватые существа, оказавшиеся для московской публики еще непонятнее японцев.

Известия. - 2001.

Екатерина БИРЮКОВА

31 авг. - с. 8

К Губайдулиной эвритмисты имели не совсем прямое отношение. Даже, на первый взгляд, не имели никакого. Лишь один из более десятка номеров их представления шел под музыку юбиляра. В качестве других источников вдохновения были Бах и Маре, Гильом де Машо и Сергей Беринский, стихи Мандельштама и просто тишина.

Зато очень просто было найти мировоззренческие параллели между творчеством Губайдулиной и ее гостями из швейцарского Гетеанума — одного из главных центров современной эвритмии. Этот синтетический жанр возник в начале прошлого века, когда кто только не искал новых форм движения. Освобождение тела считалось прямым продолжением освобождения духа. Методик существовала куча, различные течения и направления конкурировали и враждовали между собой, что только подчеркивало актуальность новомодных танцев.

Танцевали обязательно босиком, иногда — голышом, прикрываясь исключительно мистическим флером. Говорили, что на представления отечественных босоножек любил захаживать сам Анатолий Луначарский, все бредили Айседорой Дункан, а наиболее продвинутые люди — например, Андрей Белый, Михаил

Чехов, Вацлав Нижинский — вдохновлялись немецким гуру Рудольфом Штайнером.

Именно с именем Штайнера и его антропософским учением связана эвритмия. Она всегда имела скорее педагогическое, лечебное и духовно-этическое, нежели эстетическое значение. Как всякое слишком тесное, узкое и сектантское образование, на сцене она проигрывает более традиционным и театральным видам движения. Кажется, что язык ее слишком прост, цели — придавать видимую форму звукам — слишком очевидны, и вообще: что так может каждый.

На самом деле это, конечно, не так. Текучая бесформенность эвритмии, являющая собой демонстративную противоположность отточенным граням классического балета, достигается не просто. Огромная нагрузка ложится на постоянно полусогнутые ноги и главное средство выразительности — руки. Каждая часть тела должна быть живой и пластичной, любое ее одеревенение (которым иногда грешила мужская часть швейцарской труппы) вызывает смех даже у такой неподготовленной публики, как московская. Впрочем, настоящим последователям Штайнера до зрителей никакого дела быть не должно. Ведь эвритмией занимаются прежде всего для себя, для достижения гармонии тела, души и духа.